

УДК 93/94
DOI: 10.17223/19988613/63/5

Е.А. Крестьянников

ЖЕНСКАЯ АДВОКАТУРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: СИБИРСКИЙ «СЛЕД»

Во второй половине XIX столетия в разворачивающемся движении за женское равноправие важнейшими становились требования одинаковых с мужчинами прав на получение образования и труд. Женщины пытались найти приложение своим способностям и в адвокатской профессии. В статье рассматриваются попытки участия сибирячек в судебных заседаниях в качестве поверенных, выясняется отношение сибирского общества к женской адвокатуре края и остальной России. Показано, что в связи со спецификой Сибири этот род занятий нашел здесь широкое применение.

Ключевые слова: женщины; эмансипация; адвокатура; Сибирь.

Российских женщин заниматься юридической деятельностью подталкивала либерализация жизни страны середины XIX в., давшая возможность представительницам слабого пола ощутить себя способными покорять доступные ранее исключительно мужчинам рубежи и сделавшаяся очевидной потребность в условиях социальной эмансипации отстаивать свои права. Сумме подобных обстоятельств как нельзя лучше отвечала профессия адвоката, на которую почувствовавшие вкус свободы россиянки неминуемо должны были заявить свои притязания. История дореволюционной женской адвокатуры интересовала отечественных исследователей, в том числе автора настоящей статьи больше с точки зрения развития законодательной стороны проблемы [1–8], и хотя к ней обращалась даже англоязычная историография [9, 10], тема освещена фрагментарно и остается малоизученной. В работах историков и правоведов нередко упоминаются одни и те же персонажи сибирских адвокатесс, но всегда речь идет об отдельных случаях адвокатской практики; специально же осмысления активности сибирячек в такой деятельности никогда не предпринималось. Между тем применение компаративистских методик и микроисторической детализации с опорой на законодательные акты, периодическую печать и делопроизводственную документацию позволяет восполнить имеющийся в исторической литературе пробел.

Великие реформы Александра II, реализовав начало бессословности и принципы буржуазного права, основывающиеся на формальном юридическом равенстве, дали российскому обществу свободы, подталкивая тем самым перемены в традиционном укладе и вызывая новые общественные запросы. Неизбежно ставился вопрос о женской эмансипации в семье, социуме, государстве. Должны были уйти в прошлое времена, когда общество «не умело образовывать женщину, и дать ей разумное содержание для жизни», когда ее обучали, лишь чтобы она не зарекомендовала себя невеждой при выходе в свет, иначе «совсем бы ничему не учили» [11]. Сами женщины тянулись к образованию и освоению считавшихся ранее мужскими профессий, и даже традиционно женские рабочие специальности наполня-

лись новым содержанием и предъявляли новые требования. Например, как заявлялось тогда, профессия гувернантки «значительно сократилась, так как от гувернантки стали требовать знаний, а не только выправки и умения говорить по-французски; у большинства же искавших занятий знаний не было» [12. С. 465]. Подстегивали тягу к равноправию и распространявшиеся на планете феминистские увлечения, которые становились модными среди россиянок. Они уже из пределов Родины теперь могли «легко следить за движением к существенному преобразованию нынешних отношений между двумя полами» во всем мире [13. С. 250].

Когда в Англии Джон Стюарт Милль оформлял свои мысли о необходимости преобразования законов о женщинах, высказав их в знаменитой книге «Подчиненность женщины» [14], сразу переведенной на русский язык и ставшей популярной в России [15], Александром II был подписан акт, избавлявший общество от разнообразных зависимостей. Судебные уставы 1864 г. вводили одинаковое для всех правосудие, и либеральный арсенал реформы юстиции в чем-то даже превосходил потенциал освобождения крестьян, пробудившего россиянок «от умственной спячки» и давшей им «почувствовать позорность своего пассивного положения» [16. С. 286]. Один дореволюционный юрист писал: «Если великий акт 19 февраля освободил двадцать миллионов русского народа от личной зависимости и стер с лица нашей земли печать рабства, то Судебные уставы дали всему населению право на ограждение его личности, насадили твердые начала гражданственности и закономерности, и создали еще невиданный у нас дотоле суд правый, скорый, милостивый и равный для всех» [17. С. 51]. Женщины почувствовали вкус равноправия и пошли судиться так активно, что приходилось наблюдать на их стороне перевес количества поступавших к мировым судьям жалоб [18. С. 64].

Вероятно, нашлось бы немало дам, желавших служить в качестве адвокатов, но статья 354 Учреждения судебных установлений допускала в сословие присяжных поверенных исключительно лиц с высшим юридическим образованием, недоступным в Российской им-

перии представительницам слабого пола. В правовой плоскости, получается, адвокатская профессия по умолчанию была доступна исключительно мужчинам. Но закон 25 мая 1874 г. кроме известных Судебным уставам присяжных поверенных и помощников присяжных поверенных предусмотрел институт частных поверенных [19]. Применительно к последним ничего не говорилось об образовательном цензе, и отдельные женщины решили, что адвокатское ремесло открыто для них. В ряде провинциальных городов Европейской России появились частные поверенные из дам, зарекомендовавших себя на новом поприще вполне способными [4. С. 55]. Однако 30 апреля 1875 г. министр юстиции К.И. Пален издал циркуляр, предписывавший судебным учреждениям прекратить выдачу лицам женского пола свидетельств на право хождения по чужим делам, но после того как возник вопрос о неправомерности такого запрета, 7 января 1876 г. был принят закон, который, уже не допуская никаких расширительных толкований, запретил россиянкам частную адвокатуру [20].

В последующем дамы, чтобы заниматься адвокатской деятельностью, использовали архаизмы отечественного законодательства или его пробелы. Судебные уставы не возбраняли в отдельных случаях защиту в органах правосудия чужих прав на непрофессиональной основе, и, главное, пол такого помощника не уточнялся. Данную возможность женщины иногда использовали, а судебные чиновники, как считается, положительно относились к указанной деятельности [1. С. 19; 3. С. 74–75; 5. С. 181–182]. Поскольку нормы дореформенного судоустройства и судопроизводства совершенно умалчивали о женщинах в юстиции, жительницы регионов, в которых введение уставов задерживалось, получили возможность испытать себя в адвокатуре на непрофессиональной основе. Скорее всего, в Сибири таких имелось немало. В корреспонденции «Сибирского вестника» 1893 г. сообщалось о сибирячках, бравшихся за это занятие: «У нас в Томске тоже давно уже практикуется институт женской защиты на судах и, вообще, ходатайство женщин в качестве поверенных по чужим делам». Рассказывалось и о неоднократных выступлениях в томских судебных учреждениях «девицы» М.П. Аршауловой [21]. Ранее, в 1889 г. указанная госпожа (по описанию, «небольшого роста, обладатель симпатичной наружности, одета вся в черном, говорила довольно красиво, бойко и, местами, с чувством и по-видимому с отсутствием всякой робости») в качестве поверенного выиграла дело в губернском суде, а свою речь в защиту обвиняемых она предварила вступлением, в котором словно от имени всех россиянок заявила об их способности заниматься полезной для общества деятельностью, в частности адвокатской: «Прежде чем приступить к защите моих клиентов, я позволю себе несколько остановиться на том исключительном случае, что я, женщина, являюсь в роли защитницы. Действительно, это может показаться не-

сколько странным и удивительным здесь, в Сибири; но я полагаю, вам небезызвестно, что в Европейской России, а в особенности за границей, мы сплошь и рядом встречаем среди женщин медиков, математиков и т.п. Таким образом, нельзя отрицать, что и адвокатура точно также может быть доступна женщинам» [22, 23].

Однако и в отдаленном крае женщин-адвокатов настигали запреты. В феврале 1893 г. в Иркутске домашняя учительница В.Л. Кичеева выступала поверенной в производстве по иску некоей Кудрявцевой к М.Д. Бутину на 24 тыс. руб. Еще до судебного разбирательства по существу этого дела был возбужден вопрос о праве женщин ходатайствовать в принципе. Иркутский губернский суд, ссылаясь на упомянутый выше циркуляр К.И. Палена почти двадцатилетней давности, постановил не допускать адвокатессу «к дальнейшему ходатайству по делам, заведенным по доверенностям разных лиц» [21]. Прежде в течение восьми лет В.Л. Кичеева занималась адвокатурой основательно и далеко не любительски, по ее объяснениям, ни Енисейский губернский суд, ни Сенат этому не препятствовали. Она доказывала, что по продолжавшему действовать за Уралом порядку судопроизводства, везде предшествующему Судебным уставам, каждый независимо от половой принадлежности, кому особо не воспрещалось, мог быть профессиональным поверенным [24], и незамедлительно подала протест на решение Иркутского губернского суда в Иркутский губернский совет, но тот жалобу даже не принял к рассмотрению. Тогда неуступчивая сибирячка перенесла дело в Сенат, где лично поддерживала обжалование, и добилась своего: последовало предписание Иркутскому губернскому совету рассмотреть ее жалобу и постановить по той определению на новом основании [1. С. 20].

Вообще, из всех регионов страны в развитие российской женской адвокатуры Сибирь внесла наиболее заметный вклад. Кроме возможности использования здесь имевшихся законодательных лазеек это могло быть вызвано особенностями характера сибирячек. Исследователь края начала XX в. М. Петров, например, писал, что они были «сметливы», «совершенно самостоятельны», с мужьями «держали себя гордо и не позволяли собой помыкать» [25. С. 83]. Знаменитый тюменский купец Н.М. Чукмалдин, характеризуя гендерные роли конца XIX в., применил такой яркий афоризм: «Женщина в Сибири не раба мужчины – она ему товарищ» [26. С. 107]. Современный исследователь дореволюционной истории сибирских дам Ю.М. Гончаров указывает на специфику региона, определившую уникальность поведения и образа жизни сибирячек. Проведя сплошное изучение отзывов современников, историк заключает, что те были «более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, чем женщины центральной части России» [27. С. 64].

Независимость и живость, свойственные жительницам Сибири, наверное, и подталкивали их настолько часто присутствовать в судах в качестве адвокатов, что

местным судебным чиновникам приходилось даже проводить специальные заседания для определения своих позиций по данному вопросу. Так, 5 июля 1889 г. Енисейский губернский суд в Красноярске собрался, чтобы обсудить постоянные попытки дам «выступать в качестве защитниц по уголовным делам», которые «в отдельных случаях осуществлялись даже практически» (возможно, вызвала собрание активность В.Л. Кичеевой). Судебные чиновники признали женскую адвокатуру «исключительно свойственным Сибири положением» и дали ей оценку как «ненормальной». Но что с ней делать, похоже, они не знали и находились в полной растерянности. Этим и был вызван частичный запрет обсуждаемой деятельности. Из судебской резолюции можно понять, что сударины «устраняли» лишь из уголовного процесса, разрешив представлять чужие интересы в гражданском судопроизводстве: «Принимая во внимание, что согласно действующему закону и Временным правилам 25 февраля 1885 г., суд имеет дело лишь “с защитниками” (речь о правилах, которые в ограниченном виде вводили состязательность в сибирских судах. – Е.К.), причем на председателя в иных случаях возложена обязанность назначать таковых из чиновников канцелярии, известных своими нравственными качествами, нельзя не прийти к заключению, что функция защитника отнесена законом исключительно к лицам мужского пола, почему женщины подлежат безусловному устранению в тех случаях, когда они пытаются действовать не в качестве поверенных, а защитниц» [28. Л. 28 об.–29].

Таким образом, употребленным законодателем словом в мужском роде («защитник») отказывалось в существовании полноценной женской адвокатуры. В общем, отношение к таковой в Сибири было неоднозначным. К примеру, «Сибирский вестник», с одной стороны, рассказывал о симпатиях к ней председателя Томского губернского суда Е.Ю. Баршевского (выдающийся сибирский судебный деятель, имел достаточно передовые взгляды [29, 30]), позволявшего сибирячкам участвовать в процессах в качестве защитниц подсудимых, с другой, собственный корреспондент газеты, признаваясь в своем расположении к женщинам-адвокатам, констатировал: «Вполне сочувствуя женскому труду, мы думаем, однако, что *dura lex, sed lex*, а потому господам Кичеевой, Маркаковой (жена местного ссыльного, практиковавшего адвокатским ремеслом в Томске и бравшего доверенности на это же занятие для супруги. – Е.К.), Аршауловой и другим, к сожалению, но на основании точных законов, адвокатура должна быть воспрещена» [21].

Вместе с тем наиболее известные примеры женской адвокатуры края позволяют предположить, что к такому ремеслу могли приобщиться далеко не все желающие и способные женщины. Родственные связи М.П. Аршауловой и В.Л. Кичеевой говорят об их весомом положении в сибирском обществе. Кроме родства с главой местной полиции – «томским Шерлоком

Холмсом» П.П. Аршауловым, первая являлась супругой сосланного в Сибирь по громкому делу («червонных валетов») поэта, публициста, общественного деятеля и юриста В.А. Долгорукова [31. С. 18]; вторая была женой столоначальника общего губернского управления [24].

Из успехов сибирских дам в качестве адвокатов наибольшее освещение в отечественной прессе получило участие М.П. Аршауловой в заседании Томского губернского суда 12 мая 1889 г. О том процессе сначала сообщил «Сибирский вестник» (он назвал адвокатессу «примером редким даже в Европейской России и, вероятно, первым в Сибири»), а перепечатала новость из Томска и принесла защитнице всероссийскую славу популярная столичная «Судебная газета». Инородец М.И. Куренков и крестьянин Н. Мельников были ранее осуждены Томским окружным судом (первая судебная инстанция) на три и два месяца тюрьмы соответственно за оскорбление и нанесение побоев мелкому чиновнику. Не согласившись с приговором, осужденные подали апелляцию – мол, не они били служащего, а, напротив, он «совершал разные насилия» – в суд второй степени, где их жалобу поддерживала героиня данного сюжета. Свои доводы она приводила грамотно и последовательно: сослалась на свидетельства десяти человек, готовых утверждать под присягой, что неправильно наказанные действительно подверглись «самоуправствам над ними»; затем указала на физическое состояние семидесятилетнего Н. Мельникова («это уже совсем дряхлый старик, и, разумеется, он не в силах был кого-бы то ни было бить»); в заключение обратила внимание судей на ту среду, в какой обитали ее клиенты: «Там самоуправство властей иногда переходит всякие границы». Суду потребовалось лишь десять минут на совещание и вынесение по его итогам резолюции, отменявшей приговор учреждения юстиции нижней ступени [22, 23].

Сообщения о сибирских женщинах-адвокатах подхватила центральная периодическая печать, развернувшая по такому поводу всероссийскую дискуссию. Популярнейший «Северный вестник» целиком поддерживал почин жительниц далекого края и привел аргументы в его поддержку: во-первых, законодательство, не позволявшее дамам адвокатскую деятельность, применялось далеко не во «всех случаях появления женщин перед судами в качестве поверенных»; во-вторых, законы, запрещающие женщинам служить в органах власти, уже были «обойдены жизнью», и женский труд все-таки там использовался; в-третьих, корреспондент журнала зывал к здравому смыслу, напомнив и написав, что «бывали монархини, со славой правившие государствами, а тут вдруг уверяют, что женщина не может быть поверенной на суде» [32. С. 41–42].

Примеры сибирячек не в последнюю очередь заставляли столичных чиновников обсуждать в конце XIX в. вопрос о женской адвокатуры. В 1894 г. начинала работать знаменитая «муравьевская» комиссия (по

имени председателя министра юстиции Н.В. Муравьева), призванная пересмотреть Судебные уставы, и членам совещания было не миновать проблему женской адвокатуры. В дискуссии вокруг указанного вопроса большинство высказались за сохранение действующего правила. Противники женской адвокатуры следовали испытанным способом и со ссылкой на законы 1870-х гг. заключили: «Воспреещение лицам женского пола быть частными поверенными не есть следствие особенного правила, изданного только по отношению к поступлению женщин в частные поверенные, а имеет в своем основании общую государственную меру, коей определен круг полезной для государства и общества деятельности лиц женского пола». Дамы по-прежнему не допускались в высшие учебные заведения для изучения юридических наук, ни в канцелярии правительственных и общественных установлений, т.е. не имели возможности получить нужные для юридической практики знания и опыт. Поэтому «разрешение женщинам приобретать звание частного поверенного не соответствовало бы ни усвоенным в этом отношении воззрениям законодательства, ни видам и намерениям правительства» [33. С. 175–176].

Тем временем Судебные уставы Александра II к началу XX в. вводились повсеместно (в Сибири – на основе закона 13 мая 1896 г. [34]), и вольностям с применением в адвокатуре женского труда пришел конец. В свою очередь, состязательность нового суда увеличивала потребность в адвокатах, количество которых было явно недостаточным. В стране один присяжный поверенный приходился примерно на 60 тысяч подданных [35. С. 88–89.]; в Сибирском крае в 1899 г. их числилось 34 (округа Омской и Иркутской судебных палат) [36. С. 518–519] на население, стремившееся к шести миллионам [37. С. 81]. Недоступность профессиональных юридических услуг зачастую заставляла россиян и сибиряков обращаться за помощью к проходивцам или откровенным мошенникам, известным в государстве под названиями «подпольная адвокатура» или «знахари юриспруденции», и нередко становиться жертвами их плутовства [38–40]. В таких условиях стране, безусловно, не помешали бы адвокаты независимо от пола.

Тогда же российские дамы в борьбе за свои права активизировались, и, по словам небезызвестной отечественной феминистки Н.А. Лухмановой, имевшей непосредственное отношение к Сибири (прожила часть жизни в Тюмени), «женская эмансипация, как мощная река» лилась «правильным течением, прорывая себе глубокое дно и расширяя берега», и было «уже трудно загнать женщину в прежние домостройные рамки» [41. С. 6, 66]. Мощным толчком к развитию русского феминизма послужили революционные события 1905–1907 гг., в ходе которых и после энергия раскола в женском лагере достигла вершины: противницы женской эмансипации стали создавать собственные организации (наиболее известен Союз русских женщин), а

сторонницы – созывать всероссийские съезды, на каких обсуждали важнейшие проблемы улучшения «бабьей» доли [42. С. 378–406].

Женскому движению теперь сильнее прежнего не хватало правового содействия и все более ощущалась беспомощность женщины перед юридическими вызовами. Отстаивая свои права, она могла пойти к адвокату исключительно мужского пола, а значит, недополучала полноценной помощи. В прессе по этому поводу можно было встретить такие рассуждения: «Женщина не всегда в состоянии обратиться к мужчине за советом, причем должна перед ним раскрывать интимные детали. Она и смотрит на него, на адвоката, как на что-то казенное, жуткое! Она не решится идти к нему и предпочтет вынести все одна – беспомощная, чем подвергнуть обнажению свою женскую душу и жизнь, и от того, что она не умеет разобраться сама в своем положении, не знает законов, карающих или ограждающих ее, – она все глубже зарывается в своих заблуждениях, пока не погибает. А между тем, сколько можно бы спасти несчастных женщин от гибели своевременной подачей веского совета! Женщина-юрист явилась бы спасительницей для множества своих темных сестер» [43].

Кроме того, наметился прорыв в области образования, в частности, юридические факультеты разрешались на высших женских курсах [44. С. 157]. Вольнослушательницы пускались в университеты [45. С. 5], а по закону 19 декабря 1911 г. дамы допускались к экзаменам в государственных испытательных комиссиях при университетах и после их успешной сдачи получали права, сходные с правами мужчин [46]. Характерно, что некоторые женщины, даже из провинции, начав изучать премудрости правоведения в Европе, теперь продолжали обучение в отечественных учебных заведениях. Так, дочь выдающегося сибирского просветителя и мецената П.И. Макушина Викторина после учебы на юридическом факультете Парижского университета стала вольнослушательницей аналогичного факультета Императорского Томского университета [47. С. 163].

Женщины уже допускались к адвокатской практике в Голландии, Франции, скандинавских странах, некоторых кантонах Швейцарии [10. Р. 825], а также отдельных провинциях Канады, в Новой Зеландии и Австралии [48. Р. 14], оказывали юридическую помощь в США [49]. Россиянки занимались адвокатской деятельностью за рубежом. В частности, во Франции в 1900 г. приняла присягу как первая женщина-адвокат этой страны русская по происхождению Е. Балаховская-Пети, бывшая дочерью киевского сахарозаводчика Г.Г. Болоховского, о чем, благодаря русской прессе, хорошо знали и в России [10. Р. 831; 50. С. 310]). Внутри же империи становилось все больше женщин с университетскими дипломами, сначала иностранными, а затем отечественными. Теперь замечалось, по словам И.В. Гессена, «настойчивое домогательство женщин-юристок о зачислении в помощники присяжных поверенных», и почти все советы присяжной адвокатуры

(органы самоуправления адвокатов) были готовы удовлетворить просительниц [51. С. 369–370], но этому находились препятствия. 1908 г. ознаменовался неоднократными прошениями нескольких дам о включении их в число помощников присяжных поверенных московского округа, но состоявшиеся решения советов о их зачислении отменялись Московской судебной палатой [52. С. 111–115; 53; 54]. При этом сейчас и в последующем чиновникам юстиции приходилось применять навыки юридической изворотливости, поскольку, как пояснял известный присяжный поверенный П.Н. Мальянчиков по делу о приеме в адвокатуру Я.С. Подгурской, единственным препятствием Судебных уставов для принятия женщин была статья 354 – наличие высшего юридического образования, а оно начинало устраняться, и «никакой-либо другой закон не устанавливал никаких ограничений или исключений» [55].

1909 г. примечателен появлением в Российской империи сударыни, в биографии которой значится «первая в России женщина – помощник присяжного поверенного». Ею была закончившая юридический факультет Парижского университета и имевшая диплом юридического факультета Санкт-Петербургского университета Е.А. Флейшиц, в будущем выдающийся советский юрист [56. С. 455]. Прокурорская власть, однако, не признала права юристки вести защиту, по сути, сорвав судебное заседание с ее участием (один из видных русских юристов В.Д. Набоков по этому поводу говорил: «Если не ошибаемся, такой “срыв” судебного заседания прокурором – первый случай за все время существования нового русского суда») [57]. В 1909–1912 гг. тема представительства лиц слабого пола в адвокатуре энергично обсуждалась в российской провинции. В этом принимали активное участие казанский и новочеркасский советы [52. С. 112], общеизвестным стал факт опротестования прокурором Одесской судебной палаты А. Полланом включения в помощники присяжного поверенного А.Г. Ярошевской [58; 59. Л. 137–138 об.].

Первой сибирской профессиональной женщиной-адвокатом стала выпускница юридического факультета Московского университета Л.П. Рушковская. В конце января 1912 г. адвокатский совет при Омской судебной палате зачислил ее в число помощников присяжных поверенных. Но прокурор палаты В.В. Едличко потребовал отменить данное постановление [60. Л. 38–50], и адвокатесса исключалась из сословия [61. С. 3]. Появление в крае собственного адвоката слабого пола, судя по всему, было долгожданным и желанным событием, заслужившим детального освещения в местных газетах. Так, о нем рассказывалось еще на стадии подачи бывшей студенткой прошения [62], а также указывалось имя присяжного поверенного, к которому она пошла в качестве помощника (А.С. Кабалкин) [63].

Вообще, Сибирь внимательно следила за развитием событий вокруг женской адвокатуры, причем не только в России, но и за ее рубежами. В корреспонденции

красноярского «Енисея» за 1901 г. встречалось сообщение с перечислением стран и регионов мира, где адвокатской практикой занимались не только мужчины (Франция, Швеция, Норвегия, Румыния, некоторые штаты Северной Америки и многие кантоны Швейцарии). Также передавалось мнение о желательности не ограничивать сударынь допуском лишь в частные поверенные и говорилось об «отрадном явлении»: Министерство юстиции начинало открывать должности в учреждениях своего ведения для применения женского труда, «продуктивность которого, во всяком случае, не уступит продуктивности труда мужчин» [64].

Сибирская пресса весьма участливо относилась к усилиям женщин, стремившихся в адвокатуру. Читающий сибиряк, выписывавший, например, только газеты не самого крупного за Уралом Красноярска (город по численности населения с 68 254 жителей на 1910 г. являлся пятым в Сибири [65. С. 348]), мог узнать о случаях принятия московским советом присяжных поверенных в сословие ряда лиц женского пола, в том числе Я.С. Подгурской [66], прочитать о Е.А. Флейшиц [67] и одесском казусе с А.Г. Ярошевской [68, 69]. Притом «Красноярский вестник» опубликовал статью неназванного корреспондента «О праве женщин заниматься адвокатурой», где передавались и анализировались отдельные эпизоды борьбы жительниц Европейской России за возможность быть поверенными [70], а «Красноярский хроникер» раздобыл информацию о том, что «депутация от совета вспоможения окончившим курс на петербургских высших женских курсах, вместе с представительницей совета, представила членам Государственной Думы от города Петербурга ходатайство о содействии скорейшему проведению закона о представлении женщинам права заниматься адвокатурой» [71].

Действительно, этот вопрос настоятельно требовал решения, иначе всегда имелся повод обвинить имперское законодательство в отсталости. Об этом предупреждал еще в конце XIX столетия известный юрист М. Стиваль [72. С. 218]. Но именно теперь, когда россиянки уже получали высшее юридическое образование, а воспользоваться им не могли лишь на том основании, что в законе, написанном десятилетия назад, о женщинах в рядах присяжных поверенных и их помощников ничего не говорилось, русские правовые нормы выглядели особенно архаично и абсурдно. Положение женщин в социуме менялось, а правовой статус – нет. Знаменитый русский юрист И.В. Гессен на Первом всероссийском женском съезде посвятил речь осмыслению царского законодательства касательно россиянок: «В чем сущность этого законодательства? По своей простоте и несложности проникающей его тенденции, с этим законодательством могут конкурировать только наши же законы об инородцах. Ограничить, воспретить, не допустить – такова основная мысль всего законодательства; она настолько всеобъемлюща, что когда возникает какое-нибудь сомнение,

то оно всегда разрешается в том смысле, что если нет специальной оговорки, разрешающей женщинам то или иное действие, то оно должно считаться для них запрещенным» [73].

При царском режиме узаконить женскую адвокатуру не удалось. 16 ноября 1909 г. — через десять дней после попытки Е.А. Флейшиц выступить в суде — 100 депутатов III Государственной Думы разработали соответствующее законодательное предложение [74. Л. 2–3]. В нижней палате парламента законопроект 23–24 мая 1912 г. получил поддержку [75. Стб. 2329–2334, 2446–2470], но в январе 1913 г. Государственный совет большинством голосов — 84 против 66 — его отклонил [76. Стб. 807–910]. Вердикт имел широкий общественный резонанс, вызвав возмущение в лагере сил, борющихся за равноправие женщин. Ведущий феминистский журнал «Женский вестник», следуя своей направленности, обвинил парламентариев в сексизме и объяснил результаты голосования определенными страхами перед слабым полом: «Женщина способна сказать ту правду, которую не решится сказать мужчина» [77].

Сибирь не осталась в стороне от обсуждения этого вопроса. В целом адвокатское сообщество края было на стороне адвокатесс, а один из ведущих его представителей томский адвокат М.Р. Бейлин высказал мнение по данному поводу на страницах «Сибирской жизни». В отказе дамам заниматься адвокатской деятельностью он видел минус для своей профессии и развития потен-

циала противоположного пола («Но нельзя сказать, чтобы ограждение женщин от адвокатуры принесло пользу женщине и адвокатуре»), а доводы противников женской адвокатуры признавал крайне неубедительными: «И когда слышишь, что женщин не следует пускать в адвокатуру, потому что это сословие стало переполняться ремесленниками юридического цеха, чувствуется, что это не аргумент, потому что по этим основаниям женщин следует отгородить и от других доступных им интеллигентных профессий, нравы которых — будем откровенны — стоят теперь не на прежней высоте» [78].

Лишь на основании постановления Временного правительства от 1 июня 1917 г. женщины-адвокаты получили равные с поверенными мужского пола права [79]. История же легализации женской адвокатуры в дореволюционной России подтверждает, что общество, в том числе сибирское, тогда опережало темпы развития государства. Десятилетия ушли лишь на то, чтобы власть начала сознавать неотвратимость включения лиц слабого пола в орбиту равноправных с мужчинами отношений путем предоставления им возможности заниматься юридическим трудом. Сибири из-за игнорирования ее потребностей самодержавием и задержки судебной реформы 1864 г. удалось познакомиться с дамами-адвокатами сильнее, чем остальной империи; примерно одновременно со страной увидела она собственную адвокатессу-специалиста в начале XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов-Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. 1905. № 5. С. 1–26.
2. Кони А.Ф. О допущении женщин в адвокатуру // Собрание сочинений в восьми томах. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. С. 426–442.
3. Казанцев С.М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 72–77.
4. Ворошилова С.В. Становление женской адвокатуры в России // Новая правовая мысль. 2007. № 1 (20). С. 54–58.
5. Решетников Г.Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 179–186.
6. Ильина Т.Н. *Femina et Femida: к вопросу о женской адвокатуре в дореволюционной России* // История государства и права. 2012. № 18. С. 22–24.
7. Крестьянников Е.А. Феминизация адвокатуры и законодательство Российской империи // Адвокатская практика. 2015. № 6. С. 44–49.
8. Крестьянников Е.А. «Бабы перестанут работать и скажут: мы пойдем в адвокаты» // Родина. 2016. № 5. С. 106–109.
9. Kuchero S. The Legal Profession in Pre- and Post-Revolutionary Russia // The American Journal of Comparative Law. 1956. Vol. 5, № 3. P. 443–470.
10. Albisetti J.C. *Portia Ante Portas: Women and the Legal Profession in Europe, ca. 1870–1925* // Journal of Social History. 2000. Vol. 33, № 4. P. 825–857.
11. Стоюнин В. Воспитание русской женщины // Русский мир. 1859. 16 января.
12. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. 1856–1880. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901.
13. Михайлов М.Л. Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин // Современник. 1860. № 11. С. 221–250.
14. Ward I., McGlynn C. Women, Law and John Stuart Mill // Women's History Review. 2016. Vol. 25, № 2. P. 227–253.
15. Berest J. The Reception of J.S. Mill's Feminist Thought in Imperial Russia // Russian History. 2016. Vol. 43, № 2. P. 101–141.
16. Шашков С.С. История русской женщины. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879.
17. Верт О. К пересмотру Судебных уставов // Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. 1897. № 1. С. 44–51.
18. Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57–83.
19. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 49. № 53573.
20. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 51. № 55455.
21. Сибирский вестник. 1893. 19 марта.
22. Женщина-адвокат // Судебная газета. 1889. 4 июня.
23. Судебная хроника // Сибирский вестник. 1889. 14 мая.
24. Судебная хроника // Восточное обозрение. 1893. 7 марта.
25. Петров М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1908.
26. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания: избранные произведения / сост. Ю.Л. Мандрики. Тюмень: СофтДизайн, 1997.
27. Гончаров Ю.М. Женщины Сибири XIX — начала XX в.: Библиографический указатель. Барнаул: Концепт, 2008.
28. Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 85.
29. Адоньева И.Г., Крестьянников Е.А. Совершенствуя правосудие: из жизни и деятельности двух томских юристов (1880-е гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2008. Вып. 11. С. 139–145.
30. Сибиряк. Дополнение. Забытый сибирский деятель. (Биографическая заметка) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. № 4. С. 70–72.

31. Костин В.М., Яковенко А.В. Материалы к биографии П.П. Аршаулова // Петр Петрович Аршаулов : сб. материалов / сост. В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. Томск : Том. обл. универ. науч. библиотека, 2012. С. 15–52.
32. Областной отдел. Провинциальная печать // Северный вестник. 1893. № 6. С. 40–42.
33. Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждений судебных установлений. Т. 3. Ч. 2. Гл. 17. О поверенных по судебным делам. СПб. : Сенатская типография, 1900.
34. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 16. № 12932.
35. Вольтке Г. Замечания на некоторые статьи проекта об изменениях в устройстве адвокатуры // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1898. № 5. С. 51–105.
36. Baberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914, Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1996.
37. Азиатская Россия. Том первый. Люди и порядки за Уралом. СПб. : Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914.
38. Pomeranz W.E. Justice from Underground: The History of the Underground Advokatura // The Russian Review. 1993. Vol. 52, № 3. P. 321–340.
39. Neuberger J. «Shysters» or Public Servants? Uncertified Lawyers and Legal Aid for the Poor in Late Imperial Russia // Russian History. 1996. Vol. 23, № 1/4. P. 295–310.
40. Крестьянников Е.А. «Подпольная адвокатура» и консультации поверенных в дореволюционной России: из сибирского опыта // Российская история. 2010. № 4. С. 167–177.
41. Лухманова Н.А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь. (Две лекции). М. : Издание Д.П. Ефимова, 1904.
42. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетей, 2007.
43. Из нашей печати // Юрист. 1905. 22 мая.
44. Красинская-Эльашева С.А., Рубашова-Зорохович А.И. Юридический факультет // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918 : сб. ст. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. С. 155–163.
45. Щербина А.М. О допущении женщин в университет. М. : Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916.
46. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 31. № 36226.
47. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014.
48. Mossman M.J. The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions. Portland : Hart Publishing, 2006.
49. Batlan F. The Birth of Legal Aid: Gender Ideologies, Women, and the Bar in New York City, 1863–1910 // Law and History Review. 2010. Vol. 28, № 4. P. 931–971.
50. Н.Ш. Французский закон 1 декабря 1900 г. о разрешении женщинам, имеющим дипломы лицензиата прав, заниматься адвокатурой // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 3. С. 297–310.
51. История русской адвокатуры. Том первый. Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914) / сост. С.Н. Гаврилов. М. : Юрист, 1997.
52. История русской адвокатуры. Том третий. Под редакцией М.Н. Гернет. Сословная организация адвокатуры. 1864–1914. М. : Издание советов присяжных поверенных, 1916.
53. Право. 1908. 14 сент.
54. Право. 1908. 2 нояб.
55. Право. 1909. 28 июня.
56. Флейшиц Екатерина Абрамовна // Видные ученые-юристы России (вторая половина XX в.). Энциклопедический словарь биографий / под ред. В.М. Сырых. М. : Российская академия правосудия, 2006.
57. Набоков В.Д. Может ли женщина вести защиту пред уголовным судом? // Право. 1909. 15 нояб.
58. Право. 1910. 12 дек.
59. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190.
60. Государственный архив Омской области. Ф. 190. Оп. 1. Д. 188.
61. Отчет совета присяжных поверенных при Омской судебной палате за первый год. С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. Омск : Электротипография «Печатное искусство», 1913.
62. По Сибири // Забайкальская новь. 1912. 21 янв.
63. (Из газет) // Сибирская жизнь. 1912. 4 февр.
64. В. Несколько слов о женщинах // Енисей. 1901. 9 янв.
65. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007.
66. По России // Красноярец. 1908. 18 сент.
67. Красноярец. 1909. 7 июля.
68. Русская жизнь. (Из газет) // Красноярская мысль. 1910. 1 дек.
69. Красноярский вестник. 1909. 29 июля.
70. О праве женщин заниматься адвокатурой // Красноярский вестник. 1909. 30 июля.
71. Русская жизнь. (Из газет) // Красноярский хроникер. 1911. 9 июня.
72. Стиваль М. Реформа адвокатуры // Северный вестник. 1897. № 11. С. 207–225.
73. Гессен И.В. Влияние законодательства на положение женщин // Право. 1908. 21 дек.
74. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2368.
75. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Часть 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб. : Государственная типография, 1912.
76. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–13 годы. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. – 4 июля 1913 г.). СПб. : Государственная типография, 1913.
77. Непорожная М. По поводу права женщин на адвокатуру // Женский вестник. 1913. № 3. С. 81–82.
78. Бейлин М.Р. Дневник // Сибирская жизнь. 1913. 2 февр.
79. Вестник Временного правительства. 1917. 13 (26) июня.

Evgeniy A. Kretyannikov. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krest_e_a@mail.ru

FEMALE LEGAL PROFESSION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: SIBERIAN “TRACE”

Keywords: Women; emancipation; legal profession; Siberia.

The purpose of the article consists in studying of a phenomenon of the Siberian female legal profession in the context of vindication of the rights of women to education and work equal with men developed in the Russian Empire. Using microhistorical specification and comparative methods, the author of the article considers the main stages of mastering the lawyer profession by Russian women, illustrates obstacles of such activity from the state and the attitude towards it of the Russian society. The historical sources involved in a research including, first of all, periodicals, documents of management and record keeping and also papers of historians, allow to study the factors, which was promoting involvement of Siberian women in legal profession, having revealed among them the most noticeable

characters. The judicial charters of 1864, which demanded the higher legal education from lawyers, were entered in Siberia with an essential delay, and conditions of prereform justice allowed women to participate in judicial sessions as attorneys. This opportunity was rather actively used by vigorous female residents of the region. M.P. Arshaulova and V.L. Kicheeva, making success in lawsuits, were shown most brightly in legal profession. Activity of the Siberian female lawyers was developed so widely that judicial authorities could not ignore it. Tomsk, Yenisei and Irkutsk provincial courts which treated them differently faced advocatrices. The facts of the free admission of the weaker sex persons to such activity are known, on the contrary difficulties was made for them sometimes. In Russia women were allowed to get the higher legal education at the beginning of the 20th century. Of course, they began to ask for professional advocacy on an equal footing with men to fulfil their knowledge and abilities. Councils of attorneys - self-government agencies of sworn attorneys - were ready to accept them as a member of lawyers freely. But strict following to standards of laws, at that time already archaic and demanding revision, allowed heads of legal agencies to deprive of women of the right to participate in judicial sessions. In Siberia thanks to lighting in the press it was well known about the Russian cases of female legal profession. In 1912 the Omsk council of attorneys accepted as a member of lawyers L.P. Rushkovskaya, who became the first woman of that region to have an opportunity to appear in court as the defender. The Siberian newspapers welcomed this joyful event. However, the prosecutor's office cancelled the decision of the Omsk council and the advocatrice had not developed. In Russia the female legal profession was legalized in 1917 after falling of autocracy.

REFERENCES

1. Pavlov-Silvansky, N. (1905) O prave zhenshchin byt' advokatami [On the right of women to be lawyers]. *Russkoe bogatstvo*. 5. pp. 1–26.
2. Koni, A.F. (1967) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 426–442.
3. Kazantsev, S.M. (1985) Russkaya advokatura i zhenshchiny [Russian Advocacy and Women]. *Pravovedenie*. 6. pp. 72–77.
4. Voroshilova, S.V. (2007) Stanovlenie zhenskoy advokatury v Rossii [The formation of women's advocacy in Russia]. *Novaya pravovaya mysl'*. 1(20). pp. 54–58.
5. Reshetnikov, G.L. (2012) The question about “women’s advocacy” in the pre-revolutionary Russia. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 1. pp. 179–186. (In Russian).
6. Ilina, T.N. (2012) Femina et Femida to the issue of female legal profession in pre-revolutionary Russia. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 18. pp. 22–24. (In Russian).
7. Krestyannikov, E.A. (2015) Feminization of the Legal Profession and the Laws of the Russian Empire. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 6. pp. 44–49. (In Russian).
8. Krestyannikov, E.A. (2016) “Baby perestanut rabotat' i skazhut: my poydem v advokaty” [“Women will stop working and say: we will go to lawyers”]. *Rodina*. 5. pp. 106–109.
9. Kucherov, S. (1956) The Legal Profession in Pre- and Post-Revolutionary Russia. *The American Journal of Comparative Law*. 5(3). pp. 443–470. DOI: 10.2307/837093
10. Albisetti, J.C. (2000) Portia Ante Portas: Women and the Legal Profession in Europe, ca. 1870–1925. *Journal of Social History*. 33(4). pp. 825–857. DOI: 10.1353/jsh.2000.0051
11. Stoyunin, V. (1859) Vospitanie russkoy zhenshchiny [Education of a Russian woman]. *Russkiy mir*. 16th January.
12. Likhacheva, E. (1901) *Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii. 1856–1880* [Materials for the history of women’s education in Russia. 1856–1880]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
13. Mikhaylov, M.L. (1860) Dzhon Styuart Mill' ob emansipatsii zhenshchin [John Stuart Mill on the emancipation of women]. *Sovremennik*. 11. pp. 221–250.
14. Ward, I. & McGlynn, C. (2016) Women, Law and John Stuart Mill. *Women's History Review*. 25(2). pp. 227–253. DOI: 10.1080/09612025.2015.1039350
15. Berest, J. (2016) The Reception of J.S. Mill’s Feminist Thought in Imperial Russia. *Russian History*. 43(2). pp. 101–141. DOI: 10.1163/18763316-04302002
16. Shashkov, S.S. (1879) *Istoriya russkoy zhenshchiny* [The History of Russian Women]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
17. Vert, O. (1897) K peresmotru Sudebnykh ustavov [On the revision of the Judicial Statutes]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom universitete*. 1. pp. 44–51.
18. Sokolovsky, N. (1867) Sovremennyy byt russkoy zhenshchiny i sudebnaya reforma. (Yuridicheskie zametki) [Modern life of Russian women and judicial reform. (Legal notes)]. *Zhenskiy vestnik*. 9. pp. 57–83.
19. Russia. (1874) *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Vol. 49. № 53573.
20. Russia. (18764) *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Vol. 51. № 55455.
21. *Sibirskiy vestnik*. (1893). 19th March.
22. *Sudebnaya gazeta*. (1889) Zhenshchina-advokat [A woman lawyer]. 4th June.
23. *Sibirskiy vestnik*. (1889) Sudebnaya khronika [Judicial Chronicle]. 14th May.
24. *Vostochnoe obozrenie*. (1893) Sudebnaya khronika [Judicial Chronicle]. 7th March.
25. Petrov, M. (1908) *Zapadnaya Sibir'. Gubernii Tobol'skaya i Tomskaya* [Western Siberia. Provinces of Tobolsk and Tomsk]. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina.
26. Chukmaldin, N.M. (1997) *Moi vospominaniya: izbrannye proizvedeniya* [My memoirs: selected works]. Tyumen: SoftDizayn.
27. Goncharov, Yu.M. (2008) *Zhenshchiny Sibiri XIX – nachala XX v.: Bibliograficheskiy ukazatel'* [Women of Siberia in the 19th – early 20th century: A Bibliographic Index]. Barnaul: Kontsept.
28. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. Fund 42. List 1. File 85.
29. Adoniev, I.G. & Krestyannikov, E.A. (2008) Sovershenstvuyaya pravosudie: iz zhizni i deyatel'nosti dvukh tomских yuristov (1880-e gg.) [Improving justice: from the life and work of two Tomsk lawyers (1880s)]. In: Kruzhinov, V.M. (ed.) *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Issue 11. Tyumen: Tyumen State University. pp. 139–145.
30. Anon. (1900) Sibirskiy. Dopolnenie. Zabytyy sibirskiy deyatel'. (Biograficheskaya zametka) [A Siberian. Supplement. A forgotten Siberian figure. (Biographical note)]. *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii*. 4. pp. 70–72.
31. Kostin, V.M. & Yakovenko, A.V. (2012) Materialy k biografii P.P. Arshaulova [Materials for P.P. Arshaulov’s biography]. In: Bykova, S.S. (ed.) *Petr Petrovich Arshaulov* [Petr Petrovich Arshaulov]. Tomsk: Tomsk Regional Universal Research Library. pp. 15–52.
32. Anon. (1893) Oblastnoy otdel. Provintsial'naya pechat' [Regional News. Provincial Press]. *Severnyy vestnik*. 6. pp. 40–42.
33. The Governing Senate of Russia. (1900) *Vysokhayshe uchrezhdeniya komissiya dlya peresmotra zakonopolozheniy po sudebnoy chasti. Ob'yasnitel'naya zapiska k proektu novoy redaktsii Uchrezhdeniy sudebnykh ustanovleniy* [The highest established commission for the review of statutes in the judicial part. Explanatory note to the draft new edition of the Judicial Institutions]. Vol. 3(2). Chapter 17. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
34. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. (1896) Vol. 16. № 12932.

35. Voltke, G. (1898) Zamechaniya na nekotorye stat'i proekta ob izmeneniyakh v ustroystve advokatury [Comments on some articles of the project about changes in the structure of the legal profession]. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. 5. pp. 51–105.
36. Baberowski, J. (1996) *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
37. Tkhorzhvsky, I.I. (ed.) (1914) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: The Resettlement Directorate of the Main Directorate of Land Management and Agriculture.
38. Pomeranz, W.E. (1993) Justice from Underground: The History of the Underground Advokatura. *The Russian Review*. 52(3). pp. 321–340.
39. Neuberger, J. (1996) "Shysters" or Public Servants? Uncertified Lawyers and Legal Aid for the Poor in Late Imperial Russia. *Russian History*. 23(1/4). pp. 295–310.
40. Krestyannikov, E.A. (2010) "Podpol'naya advokatura" i konsul'tatsii poverennykh v dorevolutsionnoy Rossii: iz sibirskogo opyta ["Underground Advocacy" and counseling of attorneys in pre-revolutionary Russia: Siberian experience]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 167–177.
41. Lukhmanova, N.A. (1904) *Nedochety zhizni sovremennoy zhenshchiny. Vliyaniye noveyshey literatury na sovremennuyu molodezh'* [Deficiencies in the life of a modern woman. The influence of modern literature on modern youth]. Moscow: D.P. Efimov.
42. Yukina, I.I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge of our time]. St. Petersburg: Aleteyya.
43. Anon. (1905) Iz nashey pechati [From our press]. *Yurist*. 22nd May.
44. Krasinskaya-Elyasheva, S.A. & Rubashova-Zorokhovich, A.I. (1973) Yuridicheskii fakul'tet [Faculty of Law]. In: Valk, S.N. (ed.) *Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy. 1878–1918* [St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses. 1878–1918]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 155–163.
45. Shcherbina, A.M. (1916) *O dopushchenii zhenshchin v universitet* [On the admission of women to the university]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova.
46. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. (1911) Vol. 31. № 36226.
47. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy: biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk merchants: A biographical dictionary (the second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
48. Mossman, M.J. (2006) *The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions*. Portland: Hart Publishing.
49. Batlan, F. (2010) The Birth of Legal Aid: Gender Ideologies, Women, and the Bar in New York City, 1863–1910. *Law and History Review*. 28(4). pp. 931–971. DOI: 10.1017/S0738248010000726
50. N.Sh. (1901) Frantsuzskiy zakon 1 dekabrya 1900 g. o razreshenii zhenshchinam, imeyushchim diplomy litsentsiata prav, zanimat'sya advokaturoyu [French law on December 1, 1900 on allowing women with diplomas of a license of rights to practice law]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 3. pp. 297–310.
51. Gavrilov, S.N. (ed.) (1997) *Istoriya russkoy advokatury* [The History of Russian Advocacy]. Vol. 1. Moscow: Yurist.
52. Gernet, M.N. (1916) *Istoriya russkoy advokatury* [The History of Russian Advocacy]. Moscow: Izdanie sovetov prisayaznykh poverennykh.
53. *Pravo*. (1908) 14th September.
54. *Pravo*. (1908) 2nd November.
55. *Pravo*. (1909) 28th June.
56. Syrykh, V.M. (2006) *Vidnye uchenye-yuristy Rossii (vtoraya polovina XX v.). Entsiklopedicheskiy slovar' biografii* [Prominent Russian legal scholars (the second half of the 20th century). Encyclopedic Dictionary of Biographies]. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya.
57. Nabokov, V.D. (1909) Mozhet li zhenshchina vesti zashchitu pred ugolovnym sudom? [Can a woman act as a Attorney for the Defense in a criminal court?]. *Pravo*. 15th November.
58. *Pravo*. (1910). 12th December.
59. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 531. File 190.
60. The State Archive of Omsk Region. Fund 190. List 1. File 188.
61. The Omsk Court of Justice. (1913) *Otchet soveta prisayaznykh poverennykh pri Omskoy sudebnoy palate za pervyy god. S 18 maya 1911 g. po 18 maya 1912 g.* [Report of the Board of Jurors at the Omsk Court of Justice for the first year. From May 18, 1911 to May 18, 1912]. Omsk: Pechatnoe iskusstvo.
62. *Zabaykal'skaya nov'*. (1912) Po Sibiri [In Siberia]. 21st January.
63. *Sibirskaya zhizn'*. (1912) Iz gazet [From newspapers]. 4th February.
64. V. (1901) Neskol'ko slov o zhenshchinakh [A few words about women]. *Enisey*. 9th January.
65. Dameshek, I. et al. (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
66. *Krasnoyarsk*. (1908) Po Rossii [Across Russia]. 18th September.
67. *Krasnoyarsk*. (1909) 7th July.
68. *Krasnoyarskaya mysl'*. (1910) Russkaya zhizn'. (Iz gazet) [Russian life. (From newspapers)]. 1st December.
69. *Krasnoyarskiy vestnik*. (1909a). 29th July.
70. *Krasnoyarskiy vestnik*. (1909b) O prave zhenshchin zanimat'sya advokaturoy [On the right of women to practice law]. 30th July.
71. *Krasnoyarskiy khroniker*. (1911) Russkaya zhizn'. (Iz gazet) [Russian life. (From newspapers)]. 9th June.
72. Stival, M. (1897) Reforma advokatury [Reform of the advocacy]. *Severnyy vestnik*. 11. pp. 207–225.
73. Hessen, I.V. (1908) Vliyaniye zakonodatel'stva na polozhenie zhenshchin [The effect of legislation on the status of women]. *Pravo*. 21st December.
74. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 2. File 2368.
75. The State Duma of Russia. (1912) *Gosudarstvennaya Duma. Tretiy sozyv. Stenograficheskie otchety 1912 g. Sessiya pyataya. Chast' 4. Zasedaniya 120–153 (s 30 aprelya po 9 iyunya 1912 g.)* [The State Duma. Third convocation. Verbatim Records of 1912, Session Fifth. Part 4. Sessions 120–153 (from April 30 to June 9, 1912)]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
76. The State Council of Russia. (1913) *Gosudarstvennyy sovet. Stenograficheskie otchety. 1912–13 gody. Sessiya vos'maya. Zasedaniya 1–51 (1 noyabrya 1912 g. – 4 iyulya 1913 g.)* [Shorthand reports. 1912 – 1913. Session Eight. Sessions 1–51 (November 1, 1912 – July 4, 1913)]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
77. Neporozhnyaya, M. (1913) Po povodu prava zhenshchin na advokaturu [Regarding the right of women to the legal profession]. *Zhenskiy vestnik*. 3. pp. 81–82.
78. Beylin, M.R. (1913) Dnevnik [Diary]. *Sibirskaya zhizn'*. 2nd February.
79. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917) 13th (26th) June.